

М.А.Розов
Философия
и проблема свободы человека

М. А. Розов

ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Философская культура личности и научно-технический прогресс. Новосибирск, 1987. С. 5–15

Проблема человеческой свободы – это одна из основных, если не самая основная, проблема философии, определяющая в значительной степени специфику философской мысли вообще, ее место в системе духовной культуры, ее трудности и коллизии. И дело при этом не столько в ответе на вопрос, свободен человек или не свободен, сколько в разработке определенных конкретных средств, необходимых для реализации свободного действия. Показать это – основная задача настоящей статьи.

Объективные и субъективные предпосылки свобода

Начнем с анализа конкретной ситуации. Представьте себе приемную комиссию, например в медицинском институте, которая должна решить судьбу очередного абитуриента. «Почему Вы выбрали именно медицинский институт?» – спрашивают его. Ответ таков: «У меня отец врач, и он с детства внушал мне, что я должен пойти по его стопам». Удовлетворит ли такой ответ членов комиссии? И вообще, ответил ли абитуриент на поставленный вопрос? Ситуация может показаться достаточно тривиальной, но, как ни странно, именно ситуации такого типа позволяют понять роль и значение философии в жизни человека. Поэтому посмотрим на происходящее более внимательно.

Вопрос, который был задан абитуриенту, не совсем точно сформулирован и допускает поэтому не одно, а, по крайней ме-

ре, два толкования: а) по какой причине, т. е. в силу каких объективных обстоятельств, Вы подали заявление в медицинский институт? б) на каких субъективных основаниях, исходя из каких ценностных установок Вы выбираете именно данную профессию, а не другую? В первом случае речь идет о причинной обусловленности поступка, во втором – о его аксиологической обоснованности. Влияние родителей нельзя считать фатальным обстоятельством, исключающим все другие возможности. Абитуриент последовал совету отца, хотя в принципе мог поступить и иначе. Чем он при этом руководствовался? Скорей всего, членов комиссии интересовал именно этот вопрос. Иными словами, они обращались к абитуриенту как к человеку, совершающему сознательный выбор, т. е. как к свободному человеку.

Свободный поступок, как это видно из приведенного примера, возможен только при наличии двух типов предпосылок. Первое – это объективное наличие нескольких степеней свободы, второе – субъективные основания выбора. Человек должен уметь выбирать; объективные обстоятельства должны это разрешать. Энгельс писал, что свобода воли означает «не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [1, с. 116]. Термин «знание дела» как раз и фиксирует субъективные предпосылки свободы. Они включают в себя, по крайней мере, две составляющие: во-первых, это знание обстоятельств или закономерностей, которые допускают тот или иной выбор, во-вторых, ценностные установки, без которых этот выбор невозможен как сознательная акция. Представьте себе автомобилиста на развилке дорог. Объективная ситуация такова, что он может повернуть и направо и налево, – может, ибо это позволяет дорога. Очевидно, однако, что автомобилист должен знать, что он находится на развилке, так как в противном случае он может ее проехать и не заметить. Он должен знать также, куда ведет каждая из дорог. Но и это не все, поскольку для выбора необходима еще четкая целевая установка: автомобилист должен отдавать себе отчет, куда именно он хочет попасть. А

можно ли говорить о свободе, если человек блуждает без цели и если на развилке дорог он просто бросает жребий?

Наблюдая поведение человека со стороны, можно выделить бесконечное количество точек, в которых он якобы совершает выбор, мы исходим при этом из объективных особенностей ситуации: институтов много, а «выбран» один; имен много, а ребенка назвали именно Колей; гость пришел ровно без пятнадцати двенадцать, хотя договаривались, что он придет где-то около двенадцати. На самом деле мы выбираем гораздо реже, чем это может показаться при таком внешнем наблюдении. Во-первых, не все точки возможного выбора для нас существенны или не все представляются существенными. А если они не существенны, то мы их просто не замечаем и предоставляем, таким образом, выбор воле случая. Во-вторых, мы очень часто действуем в силу неосознанных, неотрефлексированных традиций, что полностью исключает выбор как целенаправленный акт. Оба случая частично совпадают, ибо, действуя по традиции, т. е. так, как все, или так, как люди, непосредственно нас окружающие, мы часто совершенно не замечаем, что существуют и другие возможности. В частности, наш абитуриент, скорее всего, вовсе и не выбирал себе профессию, ибо в силу условий жизни и воспитания все другие варианты были вычеркнуты из сферы его внимания.

Итак, свобода человека определяется наличием не только объективных, но и субъективных предпосылок, она есть продукт развития «разрешающей способности» его сознания, продукт развития средств и способов выбора. Выше к числу таких средств мы отнесли знания о мире. Это несомненно так, но надо иметь в виду, что сами эти знания в ходе их получения тоже предполагают выбор, предполагают различение и противопоставление знаний истинных и ложных, достоверных и недостоверных. На каких основаниях мы выбираем одну теорию, а не другую, что может выступать в качестве критерия истины, какие соображения порождают нашу уверенность в том, что наука в конечном итоге вырабатывает знания, соответствующие объективной реальности? Ответ на эти и

аналогичные вопросы предполагает формулировку гносеологических и методологических оснований человеческого познания.

Иными словами, научная картина мира не является исходной предпосылкой свободы. Исходные предпосылки следует искать в решении гносеологических и методологических проблем.

Философия и исходные основания человеческой деятельности

Теперь мы можем сформулировать главный тезис настоящей статьи: одной из основных исторически сложившихся задач философии является построение и анализ исходных аксиологических и гносеологических оснований человеческой деятельности или поведения. Решение этой задачи как раз и означает разработку средств свободного выбора, т. е. средств, обеспечивающих субъективные предпосылки человеческой свободы. Рассматриваемая в этом плане философия есть служба обеспечения этой свободы, есть дерзкая попытка представить все действия человека как осознанную целенаправленную акцию, осуществляемую в соответствии с заранее принятыми основаниями.

В качестве иллюстрации бросим общий взгляд на традиционную философскую проблематику, с которой сталкивается уже любой студент. Существует ли вне нас какая-либо объективная реальность, не зависящая от нашей воли и сознания, т. е. существуют ли какие-либо объективные ограничения человеческой свобода? Познаваема ли эта реальность, и на каких основаниях мы строим свою уверенность в истинности наших знаний? Что составляет конечный смысл нашей жизни, чего мы хотим, к чему стремимся, и как эти цели соотносятся с имеющимися в нашем распоряжении объективными возможностями? Разве все это не исконные проблемы философии, с которых мы обычно начинаем ее преподавание? Правда, к сожалению, мы редко подчеркиваем связь этих проблем с проблемой обеспечения свободного человеческого действия.

Важно подчеркнуть, что речь идет именно об исходных, или, что то же самое, о конечных основаниях человеческой деятельности, об исходных ценностных установках, об исходных основаниях познания. Что под этим имеется в виду, лучше выяснить на конкретных примерах. Начнем с ценностных установок. Представим себе простой мысленный эксперимент, который, впрочем, легко превратить в реальный. Будем спрашивать у человека, который совершил или собирается совершить какой-либо поступок, ради чего он это делает. Допустим, человек собирается провести свой отпуск на побережье Черного моря. «— Зачем?» «— Хочу отдохнуть» «— Зачем?» «— Хочу поправить здоровье». «— Зачем?»... Рано или поздно, но эксперимент придется прекратить, ибо окажется, например, что для нашего собеседника здоровье важно уже не как средство для чего-либо другого, а само по себе. Это и будет означать, что мы имеем здесь дело с конечным основанием целеполагания или с ценностью как таковой.

Наличие таких конечных оснований четко осознавал уже Аристотель. В самом начале «Никомаховой этики» он рассуждает следующим образом. Целью всякого искусства или поступка является какое-либо благо. Так как есть много стремлений и много искусств, то существуют и много благ: цель врачебного искусства — здоровье, кораблестроительного — корабль, военного — победа. Между искусствами имеет место известное подчинение: седельное искусство служит искусству верховой езды, последнее — военному искусству и т. д. Однако не все цели мы выбираем ради какой-то иной цели, ибо в противном случае мы уйдем в бесконечность. А это значит, что существует «некая цель, желанная нам сама по себе», т. е. собственно благо или наивысшее благо [2, с. 54–55].

Аналогичным образом можно рассуждать и при анализе оснований познавательной деятельности. Я уверен, например, что стол, сидя за которым я пишу эту статью, реально существует. На каком основании? На том, вероятно, что я вижу его, опираюсь на него руками и чувствую его сопротивление, кладу на него книгу и вижу, как она лежит на его поверхности...

Итак, основанием моей уверенности в реальности стола является чувственное восприятие. Но на каком основании я должен так доверять своим органам чувств? Вот как рассуждает А. Эйнштейн в аналогичной ситуации. «Стол как таковой, – пишет он в письме Г. Сэмьюэлу, – мне не дан; мне дан лишь некий комплекс отдельных ощущений, которому я приписываю имя и понятие “стол”. Это умозрительный метод, основанный на интуиции». Так существует ли стол реально или он представляет собой только комплекс ощущений? «На самом же деле, – продолжает А. Эйнштейн, – утверждение о “реальном”, существующем независимо от моих ощущений, является результатом умозрительных построений. Оказывается, что в эти построения мы верим больше, чем в интерпретации, соответствующие отдельным нашим ощущениям. Отсюда и наша уверенность в правильности таких утверждений, как, например, следующее: “Деревья существовали задолго до того, как появилось существо, способное их воспринимать”» [3, с. 328]. В качестве исходных оснований А. Эйнштейн предлагает рассматривать логику умственных построений и сопоставления этих построений с ощущениями. Нетрудно видеть, что и здесь мы имеем дело с достаточно традиционными для философии постановками проблем.

Специфика философского и специально-научного подходов

Выше мы сформулировали задачу философии как задачу построения и анализа исходных оснований человеческой деятельности или поведения. Необходимо обратить внимание на возможность альтернативной целевой установки. Идет ли речь действительно о построении, о конструировании этих оснований или о выявлении реальных средств и механизмов обоснования деятельности на различных этапах ее исторического развития? Обе задачи имеют смысл, но именно здесь пролегает, как нам представляется, граница между специально-научной и философской сферами интересов.

Начнем опять с аксиологических проблем. Мы уже видели, что сталкиваясь с ситуациями, допускающими различные

способы действия, человек далеко не всегда осуществляет выбор. Он может действовать в силу давно сложившееся традиций, действовать так, как действовали и действуют окружающие его люди. Анализ этих механизмов традиционного поведения представляет несомненный интерес, но он не входит в задачу философского обсуждения. Однако допустим, что люди осуществляют целенаправленные и обоснованные акции, афишируя при этом определенные ценностные установки. Можно исследовать историческую эволюцию этих установок, их социальную обусловленность, их различные вариации в пределах одного и того же общества... Все это опять-таки специально-научные задачи, не затрагивающие тех проблем, которые непосредственно обсуждаются в настоящей статье.

Действительно, допустим, что, согласно эмпирическим исследованиям, большинство окружающих Вас людей выше всего ставит материальное благополучие, т. е. ориентируется на чисто мещанские ценности. Значит ли это, что Вы должны действовать так же? Нет, если, конечно, в число ваших ценностных установок не входит такой принцип: обязательно походить на окружающих людей. Научное изучение аксиологических параметров того или иного общества отвечает на вопрос, какие цели фактически ставят и преследуют люди, каковы механизмы их деятельности. Что касается философии, то она интересуется не столько тем, что есть, сколько тем, что должно быть. Иными словами, философ рассуждает в модальности не существования, а долженствования. Именно это и превращает философию в механизм обеспечения человеческой свободы. Действовать свободно – значит ответить себе на вопросы: какие цели я преследую, что считаю для себя главным, в чем вижу смысл своих акций? Речь идет не о том, какие цели ставят другие, речь идет о моих собственных целях. Очевидно, что цели других людей при этом тоже важны, но их характеристика – это описание объективной ситуации, без анализа которой нельзя выяснить и свои собственные возможности.

Указанная специфика философской постановки вопроса давно осознана не только философами-профессионалами, но и

многими крупными мыслителями в области науки, «Мы должны также заботиться о том, – писал М. Борн, – чтобы научное абстрактное мышление не распространялось на другие области, в которых оно неприложимо. Человеческие и этические ценности не могут целиком основываться на научном мышлении» [4, с. 128]. Эту мысль М. Борна нетрудно обосновать. Наука имеет дело со знаниями, т. е. с утверждениями, которые могут быть либо истинными, либо ложными. Но уже древние понимали, что о вкусах не спорят. Утверждение: «Существуют люди, которые считают материальное благополучие благом», может быть в принципе доказано или опровергнуто научными методами. Но нельзя сделать ни того, ни другого с предложением: «Материальное благополучие есть благо». Предложения такого рода просто не являются знаниями, а представляют собой завуалированные императивы: «Стремись к материальному благополучию». Конечно, одни такие императивы могут быть логически обоснованы на базе других, но философия, как уже отмечалось, имеет дело с исходными основаниями деятельности, которые должны быть сформулированы и приняты наподобие аксиом.

Аналогичным образом обстоит дело и в случае анализа исходных оснований познания. Здесь опять-таки философию интересует не естественно-исторический познавательный процесс, не исторические закономерности развития знания, а исходные основания выбора, т. е. исходные принципы познавательной целенаправленной деятельности. Рассмотрим в качестве примера проблему критерия истины. Известно, что в рамках марксистской теории познания, для которой характерны научные ориентации, в качестве критерия истины рассматривается общественно-историческая практика людей. Это очень важное и принципиальное положение, которое, однако, нередко пытаются использовать в совершенно чуждых для него контекстах. Общественно-историческая практика не является и не может являться орудием в руках отдельного человека. Ее, в частности, не следует смешивать с экспериментом, который с необходимостью уже предполагает не

только логику мышления, но и определенные теоретические установки.

Общественно-историческая практика – это суд Истории. Но каждый ученый в своей индивидуальной работе постоянно, ежечасно, сегодня, сейчас стоит перед выбором, что истинно, а что ложно, что следует принять и в чем усомниться. Он хочет действовать сознательно, рационально, хочет выявить и сформулировать свои предпосылки. Существует мой стол реально или он есть только комплекс ощущений? Да, практика человечества такова, что она все время приводит большинство людей к стихийно-материалистической точке зрения. Но значит ли это, что я должен обязательно следовать большинству? Обладают ли особым преимуществом те теории, которые в настоящее время принимают большинство исследователей? Должны ли мы присоединиться к мнению научного сообщества или, следуя Фейерабенду, строить альтернативные концепции? Ставя такие и аналогичные вопросы, ученый пытается рационально обосновать свои действия. Это понятно и естественно, без этого нельзя обойтись. Но не следует забывать, что К. Маркс по этому поводу писал следующее: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос» [5, с. 1]. Здесь ясно и недвусмысленно подчеркивается, что практика – это вовсе не способ рационального обоснования знания, такое обоснование в качестве критерия истины вообще невозможно, общественно-историческая практика выше рациональности.

Все это показывает, что здесь, как и в случае обсуждения аксиологических проблем, существуют две в равной степени правомерные и необходимые позиции. Одна из них – это научные исследования познания как естественно-исторического процесса. Вторая – рациональное обоснование познавательной деятельности с целью дать в руки ученого конкретные критерии выбора. Такое обоснование полностью невозможно, но столь же невозможно и без него обойтись. Конечно, результаты работы любого индивидуального исследователя будут вписаны в процесс развития материальной и духовной культуры, в

практику человечества и пройдут там историческую проверку. Но это будет потом. А сейчас? А сейчас маленький индивидуальный человек оказывается в одиночестве на перекрестке дорог, и ему надо отдать отчет в тех основаниях, на которые он опирается. Человек хочет действовать рационально, он хочет принимать разумные решения и быть свободным. Задача философии – дать ему систему исходных оснований. Их нельзя выявить или найти, их надо построить, как, например, архитектор строит новое здание.

Точки произвольного выбора

И вот тут обнаруживается, что проблема обоснования деятельности или поведения наталкивается в своих исходных пунктах на непреодолимые трудности, как, впрочем, и любое другое обоснование. Во-первых, исходных предпосылок может быть много и они могут противоречить друг другу, во-вторых, сами они уже по определению не могут быть обоснованы, и мы неизбежно оказываемся перед лицом роковых альтернатив, не имея в руках никаких средств для их преодоления. Вот пример такой альтернативы. Следует ли искать смысл и ценность жизни в самой жизни или за ее пределами? Иными словами» должны ли мы стремиться к наслаждению непосредственными проявлениями жизни или надо рассматривать ее как служение чему-то высшему? В конечном итоге рациональный выбор оказывается невозможным. Мы должны признать, что в логическом развитии нашего мировоззрения существуют такие точки, в которых каждый сознательный человек, подобно рассмотренному выше автомобилисту, вынужден «бросить жребий». Точки такого рода мы будем называть точками произвольного выбора. Речь идет, разумеется, о чисто теоретических ситуациях, ибо в реальности человек, как уже говорилось, всегда живет в определенной социальной среде, т. е. в поле действия существующих в этой среде традиций. Но теоретически мы сталкиваемся в этих точках с границами человеческой свободы.

Фиксация таких точек в нашем мировоззрении – это одно из эпохальных открытий философской мысли. Оказалось, в частности, что можно занимать позицию крайнего солипсизма, рассматривая все как нечто существующее только в моем сознании, и эта точка зрения столь же логически обоснована, как и позиция последовательного материализма. «И никакими доказательствами, силлогизмами, определениями, – вынужден признать В. И. Ленин, – нельзя опровергнуть солипсиста, если он последовательно проводит свой взгляд» [6, с. 282]. Материализм или солипсизм – вот пример точки произвольного выбора. Легко показать, что итоги развития науки инварианты относительно этого выбора. Действительно, все, что мы исследуем и познаем, все это проходит через наше сознание. Познанное – это значит как-то представленное в сознании. Даже утверждение материализма, согласно которому наряду со знаниями и представлениями есть еще нечто от них независимое, это тоже некоторая картина в нашем сознании. Но, может быть, такой выбор вообще не имеет значения, ибо какой смысл выбирать, если точки зрения абсолютно эквивалентны? Нет, не эквивалентны. Ценностные, этические представления не инвариантны относительно данного выбора. Бессмысленно, например, говорить об альтруизме в рамках солипсистского мировоззрения. Но альтруизм или эгоцентризм – это тоже, вероятно, точка произвольного выбора.

Границы человеческой свобода, границы рациональности, с которыми мы здесь сталкиваемся, неизбежны, ибо нельзя представить и нельзя реализовать исторический социальный процесс как осознанную целенаправленную деятельность. Индивидуальный человек подчинен социальному целому, он есть элемент естественно-исторического процесса, диктующего ему свою волю. Если он дерзает быть свободным, то рано или поздно обнаруживает, что у него нет критериев выбора, что процесс рационального обоснования его поведения должен где-то кончиться, и там, где это происходит, человек вынужден передать право первого хода объективным обстоятельствам. Это и значит, образно говоря, бросить жребий. Философия в данном

контексте – это арена, на которой разворачивается одна из самых впечатляющих «трагедий» человеческого разума, обусловленная его безудержным стремлением все подчинить своим требованиям.

В качестве примера такой «трагедии» рассмотрим еще одну особенность точек произвольного выбора. Для них характерно не только отсутствие критериев. Обнаруживается, что сама задача выбора может быть сформулирована только в рамках некоторой теоретической модели, которая этот выбор уже фактически предполагает. Вернемся для иллюстрации к уже рассмотренным выше рассуждениям А. Эйнштейна. «Стол как таковой, – пишет он, – мне не дан; мне дан лишь некий комплекс отдельных ощущений...» Мы, казалось бы, стоим перед выбором: признать ли это непосредственно данное за единственную реальность или довериться «умозрительным построениям», согласно которым за пределами комплекса ощущений существует еще и «стол как таковой»? Но откуда мы знаем, что непосредственно нам даны именно ощущения? Они ведь не являются объектами чувственного восприятия, никто из нас не видит и не слышит собственных ощущений. Ребенок или первобытный человек видит перед собой непосредственно именно «стол как таковой» или нечто аналогичное, а представление об ощущениях – это продукт длительного исторического развития познания, продукт «умозрительных построений». Эти построения, следовательно, уже лежат в основе сформулированной нами ситуации выбора.

Другой пример – уже рассмотренная нами аксиологическая альтернатива: следует ли искать смысл жизни в самой жизни или в служении чему-то высшему? Разве сама постановка вопроса не означает стремление действовать во имя некоторого Принципа? Непосредственное наслаждение проявлениями жизни, вероятно, просто не предполагает постановку аксиологических проблем, ибо такая постановка уже свидетельствует о стремлении согласовать свое поведение с требованиями Разума, с нормативами Культуры, стремлении подчинить свои

непосредственные проявления чему-то надличностному, наиндивидуальному.

Подводя итог, хочется сказать следующее. Цель философия – предоставить в распоряжение человека возможно более богатый арсенал отрефлектированных критериев выбора, арсенал средств, обеспечивающих его свободу и формирующих его как личность, способную к рационально обоснованному действию. В ходе этой работы мы неизбежно наталкиваемся на точки произвольного выбора. Да, это границы свободы, границы рациональности. Но и здесь следует отличать автомобилиста, который проскочил перекресток, не заметив и не осознав этого, от того, кто доверяется жребию с полным сознанием объективной неизбежности. Последнее в определенном смысле слова – это тоже разновидность свободы.

Библиографический список

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.
2. *Аристотель.* Соч. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
3. *Эйништейн А.* Собр. науч. трудов. М.: Наука, 1967. Т. 4.
4. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М.: Прогресс, 1973.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы основные задачи статьи?
2. Какие два типа предпосылок характеризуют свободный поступок?
3. Какие субъективные предпосылки свободы выделяет автор?
4. Всегда ли человек осуществляет выбор как целенаправленный акт? Если нет, то как он действует в этих случаях?
5. Почему знания (научная картина мира) не являются исходной предпосылкой свободы?
6. Что составляет содержание гносеологических и методологических оснований человеческого познания?
7. Как Розов формулирует одну из основных исторически сложившихся задач философии? (главный тезис статьи)

8. Как Вы понимаете тезис о том, что философия есть служба обеспечения человеческой свободы?

9. Назовите традиционные философские проблемы. Покажите, как эти проблемы связаны с проблемой обеспечения свободы человека.

10. Как Вы понимаете, что ценности – это конечные основания целеполагания?

11. Каковы основания познавательной деятельности?

12. Согласны ли Вы с Эйнштейном, что в умозрительные построения люди верят больше, чем в интерпретации, соответствующие отдельным ощущениям?

13. Как можно научно изучать ценности?

14. В чем различие философского и научного подхода к ценностям?

15. Как Вы понимаете тезис о том, что общественно-историческая практика – это суд Истории?

16. Что такое точки произвольного выбора в нашем мировоззрении, как одно из эпохальных открытий философии?

17. Материализм или солипсизм как точка произвольного выбора.

18. Как связаны точки произвольного выбора и границы рациональности?